

звание окольничего.¹ После смерти своего брата, оружничего Никиты Ивановича Карпова,² Ф. Карпов получил в 1537 году звание оружничего,³ т. е. сделался одним из наиболее доверенных лиц при дворе Елены Глинской.

Близость Карпова к боярским кругам Е. Н. Кимеева пытается вывести из факта переписки его с Максимом Греком и из того, что в деле Берсеня-Беклемишева был замешан двоюродный брат Ф. Карпова Петр Муха Карпов (1525 год).⁴ Но ведь учеником Максима Грека был и Зиновий Отенский, выражавший взгляды осифлян; близок был к Максиму Греку также осифлянский архиепископ тверской Акакий; бывал в келье у Максима Грека Иван Грозный и т. д. Все это не делало названных лиц сторонниками боярской оппозиции. К тому же Федор Карпов не только не был близок по своим взглядам к Максиму Греку, но и в целом ряде случаев расходился с ним (например, в воззрениях на астрологию и др.).

Столь же неудачна ссылка и на Петра Карпова, ибо участие в том или ином процессе XVI века родственников могло и не бросать тени на видных политических деятелей. После 1525 года Ф. Карпов не только не попал в опалу, но вскоре получил думный чин. Сохранил свое видное положение при дворе и его брат оружничий Никита Карпов. Впрочем, даже Е. Н. Кимеева признает, что служебная деятельность Ф. Карпова «непосредственно служила укреплению Русского государства», считая в то же время, что мысли и взгляды публициста резко расходились с этой деятельностью.⁵

Федор Карпов принадлежал к числу образованнейших людей своего времени. Он должен был хорошо знать по своей многолетней дипломатической деятельности восточные языки,⁶ знаком был с латинским и греческим языками.

В своем послании к митрополиту Даниилу Карпов дает дословный перевод двух стихов из «Метаморфоз» Овидия,⁷ а в послании Филофею он замечал, что сочинения Филофея написаны «омировым... словом и риторским разумом».⁸ Отсюда мы выводим, что ему были известны в подлиннике или в извлечениях произведения Аристотеля, Гомера и Овидия. Карпов находился в переписке с образованными людьми своего времени — Максимом Греком, старцем Елеазарова монастыря Филофеем, митрополитом Даниилом и другими.

К сожалению, наши сведения о публицистической деятельности Карпова весьма ограничены. Опубликовано всего три послания этого писа-

¹ Сборник РИО, XXXV, стр. 792—793. Указания так называемого Шереметьевского списка (ДРВ, ч. XX, стр. 19, 24) о том, что Карпов был окольничим с 1516 по 1517 год, а умер в 1529/1530 году, ошибочны.

² Сведения о Н. И. Карпове как оружничем относятся к 1513—1526 годам (П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга. М., 1901, стр. 52, 73).

³ Сб. РИО, LIX, стр. 65. В том же году двухлетний сын опального Андрея Старицкого, Владимир, был передан Карпову «блюсти» его (М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской. Исторические записки, кн. 46, стр. 284).

⁴ М. Н. Тихомиров. Новый памятник московской политической литературы XVI в. Сб. «Московский край в его прошлом», ч. 2, М., 1930, стр. 112. Ср.: Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 221—222.

⁵ Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 234.

⁶ В феврале 1538 г. Иван IV «велел грамоты (крымские, — А. З.) части Федору Карпову» (ЦГАДА, Крымские дела, кн. 8, л. 473 об.).

⁷ См. сообщение В. Ф. Ржиги на заседании Отделения русского языка Академии Наук 22 февраля 1914 года. Известия Академии Наук, VI серия, 1914, № 15, стр. 1105.

⁸ БЛ, Собр. Тихонравова, № 380, л. 124.